

Иллюзия свободы: Постмодернизм информационного болота

Александр Генис

* Александр Александрович Генис – писатель, критик. Родился 11.02.1953 в Рязани, вырос в Риге. Закончил филологический факультет Латвийского университета (1976). С 1977 живет в Нью-Йорке. Работал в газетах и журналах русского зарубежья («Новый американец» и др.) С 1989 печатается в России. С 1984 сотрудник Радио Свобода: комментатор, автор еженедельных передач для рубрики «Поверх барьеров». http://www.svobodanews.ru/archive/ru_bz_otb_ut/latest/896/210.html). Автор и ведущий телевизионного цикла «Генис. Письма из Америки» (канал «Культура»). Автор персональных рубрик в «Новой газете», в журнале «Эсквайер», блога на сайте «Сноб». Член редакционного совета журнала «Иностранная литература». Член жюри Букеровской премии (1993). Член Академии российской словесности. Лауреат премии журнала «Звезда» (1997) и др. Член жюри премии «Либерти». В соавторстве с П. Вайлем опубликовал шесть книг: «Современная русская проза», «Родная речь» (рекомендована Министерством образования Российской Федерации), «Русская кухня в изгнании», «60-е. Мир советского человека» и др). С 1990 работает без соавтора. Книги «Американская азбука», «Вавилонская башня», «Иван Петрович умер», «Темнота и тишина», «Пейзажи», «Трикотаж» и др. вошли в трехтомное собрание сочинений «Культурология. Расследования. Личное» (2002, 2003). В 2004 вышел сборник эссе "Сладкая жизнь" («Вагриус»), в 2006 – книга кулинарных путешествий «Колобок» и «Колобок и др.» (АСТ), в 2008-м – книга «Дзен футбола и другие истории» (АСТ) и однотомник «Шесть пальцев» («КоЛибри»). Собрание филологической прозы «Частный случай» (2009) и альбом «Фантики» (2010). Новые книги – “Уроки чтения. Камасутра книжника” (2013) и “Космополит. географические фантазии” (2014). Мемуары – “Обратный адрес. Автопортрет” (2016). С 2004 г. ведет постоянную рубрику в «Новой газете». Автор текста документального фильма об украинской революции («Оранжевая зима», реж. А. Загданский). Переводился на английский, японский, немецкий, французский, итальянский, сербский, венгерский, латышский и др. языки.

1.

Попад школьником в Таллинн, я мечтал увидеть там телевизор. До нас, рижан, доходили глухие слухи о том, что в Эстонии ловят программы из соседней Финляндии. Не сразу и не просто добившись своего, я сквозь первое в моей жизни окно в Европу увидел на голубом экране скучнейший концерт финской народной песни. Ничуть не разочаровавшись, я решил, что мне просто не повезло с расписанием передач. Поэтому никуда не делась зависть к тем, до кого добирался западный телесигнал.

Легче всего он, естественно, ловился в Восточном Берлине. Не в силах справиться с конкурентом, коммунистические власти выстроили самую высокую телебашню в Германии, которая до сих пор уродует город, но и она не смогла заглушить вещание конкурента. Вместо этого дикторы Востока комментировали новости, приходящие с Запада в нужном – марксистском – ключе, опровергая на одном канале все, что берлинцы смотрели на другом. Эта дорогостоящая и бесполезная операция, как, в сущности, и вся коммунистическая пропаганда, оказалась совершенно бесполезной. Доверие вызывала лишь та информация, что приходила с Запада.

Отсюда легко сделать вывод, что обитатели столицы лучше других жителей ГДР должны были знать и понимать западную жизнь. В конце концов, телевизор – лицо страны. И никакая косметика не скроет национальный характер и идеал, которые находят свое выражение на голубом экране. Лучше проповеди и конституции в простодушном ситкоме или рекламном ролике проявляются гештальт нации, ее этикет, неписанные законы и этические нормы.

Я отчетливо это почувствовал на себе, когда, приехав в Америку, оказался без языка массовой культуры. Он позволяет не только общаться, узнавать намеки, цитаты и шутки, но и отличать своих от чужих. Скажем, зрители сериалов “Розанна” и “Сайнфельд”, не говоря уже о “МЭШ” («М*А*S*Н»), скорее всего голосуют за разные партии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Конечно, не потому, что авторы руководствуются в своей работе той или иной идеологией – ее диктуют зрители. В поисках высокого рейтинга создатели сериалов нащупывают психологический настрой аудитории.

Как всякая игра рынка массовая культура азартна, рискованна и никогда не ставит наверняка. Пристреливаясь, она постоянно эволюционирует, приспособливаясь к подсознанию потребителя, что и делает ее столь влиятельной.

Внутренний посыл масскультуры, заметный скорее новичку, чем местному – тайный урок свободного Запада, которому противостояла пропаганда несвободного Востока, о которой я слишком хорошо помню.

2.

В молодости, сразу после университета, я работал в грандиозной корпорации “Гостелерадио”, где занимался безобидной редактурой газеты ‘Rigas Vilni’, где печаталось расписание передач латвийского радио и телевидения. Трудовые обязанности вынудили меня погрузиться в загадочный мир советской пропаганды, о котором остальные даже не догадывались.

Мне кажется, только я знал, что каждый день по советскому телевизору показывают передачу “Экран социалистического соревнования”, а по радио передают “Вести с полей”. В сущности, это были невидимые и немые артефакты, смысл существования которых ускользал от понимания и тех, кто их делал, и тех, кто их заказывал, и тех, кто их должен был смотреть и слушать. Это был ныне забытый ритуал мертвой религии. Но, как в “Замке” Кафки, никто не решался сказать, что бог умер, ибо его жрецы по-прежнему обладали властью.

Впрочем, об этом никто не задумывался. Интеллигенция над пропагандой даже не смеялась. Никому не приходило в голову читать передовые в газетах, которыми пользовались по нужде и для прогноза погоды. Телевизор был машиной для показа хоккея (сам Брежнев предпочитал фигурное катание) и Штирлица. В первом случае спорт вычитал политику, во втором – действие проходило за границей. Соблазн ее был так силен, что мог привлечь зрителя даже к зарубежным новостям программы “Время”. Хотя бы для того, чтобы заметить американских безработных в нейлоновых рубашках, каждая из которых стоила недельного заработка моего отца и надевалась на 7 Ноября и Первое мая.

Пропаганда брежневской поры сама себя вычитала, и ее эффективность стремилась к нулю. Информационный голод интеллигенции удовлетворяли западные радиоголоса, остальные обходились слухами. Одним верили, потому что они – западные, другим – потому что никто не проверял. Работая студентом в пожарной охране, безнадежно пораженной алкоголизмом, я слышал все – от банального до причудливого. К первым относились сведения об еврейском происхождении Брежнева, Ленина и даже Гитлера. Видимо, это неизбежно. Во всяком случае, ровно то же самое я узнал от седовласых белогвардейцев в редакции “Нового русского слова” в Нью-Йорке. Как, впрочем, и в перестроечной Москве, где мне довелось прочесть на стене рукописный плакат: “Эльцин – мразь, с России слазь”.

Другим популярным сюжетом в нашей пожарке была история Останкинской башни, которую взорвали те же евреи. Услышав об этом впервые, я сильно удивился и сказал, что она до сих пор стоит. “Это не та” брезгливо объяснили мне коллеги и перестали со мной разговаривать вовсе.

Приемы пропаганды были универсальны во всем социалистическом лагере, потому что те, кто ее производили, не рассчитывали на покупателей, да и не нуждались в них. Они выполняли привычный обряд, вроде заклинания дождя, и с теми же результатами.

3.

После этого лирико-исторического экскурса вернемся в Восточный Берлин. Легко предположить, что сосуществование двух информационных систем – западной и бессмысленной – неизбежно приводило к разочарованию в социализме и повышало готовность к протесту. Поразительно, что истинное положение вещей оказалось прямо противоположным.

После падения Стены историки, получившие доступ к архивам Штази, к своему огромному удивлению обнаружили, что берлинцы были наименее радикализованной частью восточногерманского общества. Напротив, чем дальше немцы жили от западного телевидения, чем более оно было им недоступно, тем меньше они доверяли своему государству и тем сильнее мечтали от него избавиться.

Пытаясь растолковать этот удивительный факт, обнародовавший его Эдвард Люц, автор замечательной книги “Отступление западного либерализма” (Edward Luce, ‘The Retreat of Western Liberalism’) предлагает интересное и правдоподобное объяснение этого феномена. Жившие за железным занавесом берлинцы не замечали его, ибо могли заглянуть сквозь него к соседям. Они легче обходились без своей свободы, потому что пользовались чужой. Берлинская интеллигенция в меньшей степени обращала внимание на убожество окружающего, проводя часть жизни вне его – как бы на Западе. Они обладали лишь иллюзией свободы, но и ее хватало, чтобы заменить свинцовую реальность социализма радужным рыночным миражом.

После перестройки подобный опыт был освоен Россией. В голодные 1990-е годы, когда мои друзья-интеллигенты говорили, “Мы не миллионеры, чтобы есть яйца”, в стране появились гламурные журналы с рекламой безмерно дорогих вещей: бриллианты, “Брегеты”, “Ягуары”. Многие из этих печатных органов являлись русскими версиями западных изданий, но отличались содержанием. Я печатался во многих из них и могу сравнивать. Если в американском мужском журнале ‘GQ’ дают совет, как купить хороший подержанный пиджак за пять долларов, то в русской версии той же заметки объяснялось, что приличному мужчине нельзя выйти на улицу без пиджака за пять сотен.

Я долго не понимал смысла существования таких журналов, пока не пришел к выводу, что потребление в России стало зрелищным спортом. Овладев им в совершенстве, новая русская пропаганда в корне отличается от старой.

Это и не удивительно, ибо ею часто занимается та самая интеллигенция, которая числилась в “прорабах перестройки” в 1980-е годы и пользовалась ее достижениями в бурные 1990-е.

Скажем, генеральный директор Первого, самого одиозного канала путинского телевидения, Константин Эрнст начинал автором и продюсером богемных телевизионных и журнальных проектов с характерным для ранних 1990-х задиристым названием “Матадор”. В его журнале, жадно интересовавшемся всеми аспектами постмодернистской эстетики, мне не раз приходилось печататься. Перейдя на державные рельсы, Эрнст и его

коллеги использовали опыт авангардной философии и поэтики для создания постмодернистской пропаганды – сервильной по содержанию, но остро современной по форме.

Действуя, как западное телевидение на жителей Восточного Берлина, такая пропаганда заманивает зрителя в иллюзорный мир богатых, знаменитых и свободных. Здесь царит мировой масскульт – как в чужом, так и в отечественном исполнении. Вместе с дозой развлечений российский зритель получает чувство если не принадлежности, то сопричастности к тому всемирному потоку новостей и сплетен, который беспрестанно и для всех вырабатывает планетарный таблоид.

На протяжении многих лет, приезжая в Москву, я включал телевизор в отеле. Возможно потому, что я возвращался в номер поздно, мне всегда доставались экстравагантные программы. Одной ночью я шелкал каналами, пока не наткнулся на уроки эротического связывания, но следующим вечером по этому же каналу показывали, как начиняют домашние сосиски, а через день – помогли решать задачки с дробями.

Новости меня удивляли ничуть не меньше. Благообразный священник объяснял, что пророков вдохновлял Господь, а цыганкам предсказывать судьбу помогает дьявол. Будничным голосом хорошенькая дикторша сообщала, что в Соединенных Штатах участились встречи с летающими тарелками. И только троекратное появление Путина придавало фундаментальную основательность каждому информационному выпуску.

4.

Обо всем этом можно сказать то же, что Клавдий о Гамлете: “Если это безумие, то в нем есть система”. Нынешняя пропаганда создает для себя зыбкую среду, в которой, как в желтой прессе, теряется граница между правдой, вымыслом и правдоподобием. В таком контексте вызревает постмодернистская практика информационного болота. Лучшее из этого описал еще Станислав Лем в романе “Глас Господа” (1968). (Тут надо заметить, что в социалистической фантастике сюжет обычно разворачивался либо в будущем, о котором никто ничего не знал, либо – в Америке: по тем же причинам. Поэтому место действия романа и перенесено в США).

В интересующем нас эпизоде рассказывается о том, что американские ученые получили сигнал от пришельцев. Чтобы скрыть этот факт, власти обратились к опытным экспертам дезинформации из ЦРУ. Их тактику Лем описывает подробно и прозорливо: “Вскоре прессу наводнили сообщения о высадке маленьких зеленых человечков. Поток сообщений, с каждым днем все более бессмысленных, был отвлекающим маневром. Отрицать всю историю означало бы привлечь внимание к ней. Другое дело – утопить зерно истины в лавине несуразных вымыслов”.

В сущности, тут изложены актуальные правила обращения с фактами в эпоху постправды и фальшивых новостей. Последнее понятие называют главным словом 2017-

го года, первое – 2016-го. Вместе они образуют ту реальность, в которой только и может существовать информационный гомункул: альтернативный факт.

Как известно, в Америке борются две теории эволюции: одна – по Библии, другая – по Дарвину. О правоте той или иной спорят ученые, политики и школьные учителя. Но как быть с Гранд-Каньоном? Попав туда, я услышал от гида две версии его происхождения. Первая: каньон прорыла река, еле видневшаяся на дне ущелья. Вторая: все натворил ветхозаветный потоп. Вот это и называется альтернативным фактом. Не желая ввязываться в дуэль веры с наукой, экскурсовод предложил два несовместимых тезиса. Нам предлагается либо выбирать между ними, либо отказаться от обоих, всплеснув руками: мир не постигаем, истина неуловима, каждому по его вере.

Альтернатива факту, говорят нам, не ложь, а другой факт, обладающий собственной достоверностью – если в него кто-то верит. Об этом можно прочесть в другом фантастическом опусе – в повести “Омон Ра”. В своем первом шедевре Пелевин, объясняя, как советские космонавты якобы высадились на Луне, писал, что для этого достаточно убедить в этом кого-нибудь. Герой повести говорит: “Пока есть хоть одна душа, где наше дело живет и побеждает, это дело не погибнет”.

Фантастика тут всплывает не зря. Ее авторы проложили маршрут, которым воспользовались политики, развернувшие нынешнюю информационную войну. Лгать в ней значительно легче, чем раньше, потому что правду не прячут, а, как и предсказывал Лем, топят во лжи. В безбрежном информационном болоте даже привыкшей читать между строк интеллигенции трудно отличить злокозненный вымысел от наивной глупости. Тем более, что социальные сети уравнивают все голоса, отчего они не сливаются в хор, а вырождаются в какофонию.

5.

В юности я прочел у Ницше: “Фактов нет, есть только их интерпретация”. Этот лаконичный приговор реальности надолго стал моим девизом. Ницше оправдывал призвание критика и зазывал в профессию. Важно не открывать мир, а истолковывать его, то есть множить реальности, каждая из которых понесет на себе отпечаток авторской личности. Блуждая среди миражей и отражений, я следовал Ницше, пока и он, и его любимый жанр не исчерпали доверия. Читать мои афоризмы, говорил Ницше, все равно, что шагать по горным вершинам. На самом деле, утверждал Карл Краус, другой мастер сгущенной мудрости, “афоризмы никогда не говорят всей правды, они предлагают либо полправды, либо полторы”.

Это значит, что Ницше был сразу прав и не прав. Считая, как все немецкие идеалисты, что до подлинной реальности нам не добраться, он обходился той, что мы себе создаем, трактуя действительность по своей воле и умыслу. Ницше назначал интерпретаторов, вроде себя, в демиурги: они творят мир, в котором живут все остальные. Эта идея – слишком лестная, чтобы не вызвать сомнений. Уже потому, что на другом плане бытия факты все же существуют, хотя им и достаётся со всех сторон. Тотальный

скепсис по отношению к реальности – глубокая философская концепция и плодотворная художественная фантазия. В разные эпохи это мировоззрение называли по-разному. На нашу пришелся постмодернизм. Взяв мир в иронические кавычки, постмодернизм срывал шелуху иллюзий, пока не оставалось ядро пустоты, из которой можно было вырастить, что угодно (именно это смешно и ловко показал молодой Виктор Пелевин).

Когда передовые философы окончательно пришли к выводу, что правды нет, они имели в виду истину. Зная о тщетности любых попыток открыть истинную реальность, они отказались от этого пути вовсе. Кошмар начался, когда такая философия решительно шагнула в повседневную жизнь: постмодернизм вызрел в повсеместную практику и стал действенным оружием пропаганды.

Раньше власть лгала без оглядки, поэтому ей никто не верил, если она вдруг говорила правду. Такая ложь менее опасна: антитезу правде легко перевернуть с головы на ноги. Куда страшнее бродить в безнадежном информационном тумане.

Умный человек, говорил Честертон, прячет лист в лесу. Хитрая пропаганда прячет подлинный факт на свалке лживых. Она не скрывает правду, а убеждает, что ее невозможно найти. Собственно, потому постмодернистская политика и множит версии – не для того, чтобы в одну из них поверили, а для того, чтобы не верили ни одной.

- Кто сбил несчастный “Боинг”? - спрашивают у власти.
- Кто угодно, - отвечает власть, уходя от прямого ответа.
- Кто подменял мочу российских олимпийцев?
- Кто же его знает, - отвечает власть, теряясь в деланных сомнениях.
- Легитимны ли безальтернативные выборы?
- У всех такие, - объясняет власть, надеясь, что никто не сравнит.

Избегая конкретного и ясного, власть оставляет лазейку интеллигенции, тем, кому она нужна, чтобы не переспрашивать и не вставать с дивана. Так сознательно и подсознательно вырабатывается эффективная формула постмодернистской пропаганды, которая прежде всего и чаще всего царит на всемогущем голубом экране. Сочетая чужую “картинку” со своими слухами, он имитирует свободу, создавая собственную реальность, в которой правда уже несколько не отличается от лжи.

Противоядие от политического постмодернизма – реабилитация прозаического здравого смысла. Он не годится для парадоксов квантовой механики или новой метафизики, но незаменим в политике. Здравый смысл учит отделять обычные факты от альтернативных, правду от постправды, настоящие новости от фальшивых, серьезную прессу от стрекота твиттов.

Да, для философии мир – не познаваем, истина – за горизонтом, вера безосновательна, и человек – неразрешимая загадка бытия. Но политика – не бином Ньютона, и судит она не выше сапога. Найти правду может каждый, кто хочет, если она ему нужна.